

А.В. Кузьмин

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУВЕРЕНИЗАЦИИ ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Андрей Владимирович Кузьмин – зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин, Государственный институт, экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; e-mail: ak78rus@gmail.com.

Рассмотрена проблема реализации государством юридической составляющей государственного суверенитета. Данный процесс осуществляется посредством достижения наивысшего уровня правового суверенитета в результате реализации целей процесса суверенизации права. Суверенизация права как процесс представляет собой две единоподсистемные, но имеющие обособленное содержание и условия реализации процедурные подсистемы обеспечения приоритета государственного интереса. Первая подсистема обеспечивает верховенство государственного интереса над интересом внешнего актора, а вторая – обеспечивает приоритет государственного интереса над интересом частных (негосударственных) субъектов, аффилированных с этим государством. Достижение наивысшего уровня приоритета государственного интереса фактически и будет означать достижение целей суверенизации права.

Ключевые слова: суверенитет; суверенизация права; императивные нормы; государственный интерес; частный интерес; международное право; национальное право; государственная прерогатива.

A.V. Kuz'min

THEORETICAL AND LEGAL ISSUES OF SOVEREIGNTY OF LAW IN CURRENT GEOPOLITICAL ENVIRONMENT

Andrey Kuz'min – Head, the Department of Civil Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Ph.D. in Law, Associate Professor, Gatchina; e-mail: ak78rus@gmail.com.

The article focuses on problematic issues of implementing a legal aspect of national sovereignty by the State. The process is carried out by virtue of achieving the highest level of legal sovereignty as a result of realizing the objectives of the process of sovereignization of law. Sovereignization of law as a process is a set of two procedural subsystems of ensuring priority of public interest, both unidirectional ones however having a separate content and terms of implementation. The first subsystem ensures the primacy of public interest over the one of private (non-state) entities, affiliated with the state. Achieving the highest level of primacy of the public interest will actually mean achieving the objectives of sovereignization of law.

Keywords: sovereignty; sovereignization of law; imperative norms; public interest; private interest; international law; national law; state prerogative.

Современное мироустройство и развитие цифровых технологий существенно ограничивает возможности государства относительно того, чтобы эффективно и контролируемо реализовывать собственные интересы и обеспечивать их приоритет

над иными интересами (личности, общества, иностранного государства). Подобное положение вызвано тремя факторами.

Во-первых, возможностью дистанционной реализации интереса, не совпадающего с государственным. Например, бло-

кировка социально и идеологически неприемлемых для государства информационных ресурсов ограничена возможностью использования технологий *VPN* или особенностями алгоритмов шифрования данных. Финансовая безопасность государства зачастую находится под угрозой действующих из-за рубежа мошенников.

Во-вторых, формированием манипулятивных технологий, тактик и стратегий, направленных на обезличивание субъекта совершаемых действий. Причем как правомерных, так и неправоммерных. В первом случае появляется соблазн снижения уровня безопасности в процессе осуществления вполне правомерной деятельности. Например, при широком внедрении искусственного интеллекта возникает сложность определения ответственного субъекта за причинение ущерба в рамках данной деятельности. В частности, перевозки грузов беспилотным автомобильным транспортом вызывают необходимость установления субъекта юридической ответственности. Это может вызвать значительные юридические коллизии, если к ответственности будут привлечены разные субъекты: операторы ввода данных, технические механики, разработчики программ, собственники или контролирующие деятельность юридического лица субъекты. При неправоммерном использовании технологий искусственного интеллекта возникают похожие проблемы, но не столько юридическое, сколько оперативно-розыскное свойства.

В-третьих, формирование полицентричного миропорядка предопределяет стремление государств, выступающих сторонами однополярного мира, подчинить своему политическому, экономическому, социально-культурному влиянию как можно больше государств современного мира и тем самым устранить угрозу гегемонии коллективного запада во главе с США. Одним из элементов такого стремления выступает требование подчинить национальное право наднациональным правилам и стандартам.

Из приведенных выше положений можно вывести две проблемы. Первая проблема заключается в определении ра-

зумного сочетания и оптимальной защиты взаимных интересов государства и личности. При этом и личность, и государство формируют систему юридического взаимодействия не только в рамках концептуального диалога «публичное – частное», но и формально-юридического монолога «императивное – диспозитивное». Идеальными нарративами такого рода взаимодействия выступает максимально желаемое, но практически недостижимое полное и непротиворечивое совпадение интересов государства и личности. Например, реализация человеком права на свободу передвижения конфликтует с интересами государственной безопасности государства, устанавливающего режим пограничной зоны, именные проездные документы и т.п. Практика показывает, что такого рода конфликты решаются в основном в пользу государства.

Второй, не менее важной проблемой в современной юриспруденции – и в практическом, и в теоретическом смысле – выступает проблема соотношения государственного интереса с интересом внешнегосударственным. В данном контексте под термином «внегосударственный» следует понимать как интерес внутренних субъектов, не аффилированных с властными структурами государства, так и интерес внешних субъектов, выражающих намерения воздействовать на государственные структуры с целью изменить политический вектор деятельности государства и, соответственно, обеспечить юридическое сопровождение этого процесса.

Очевидна взаимосвязанность и взаимозависимость данных проблем, поскольку утрата государством суверенитета может, по мнению Ю.А. Кудрявцева, «привести не только к полной внешней зависимости страны от других государств, но и к возникновению внутренних конфликтов политических элит, борющихся между собой за право управления данным государством, что в итоге может вызвать утрату легальной государственной властью своего верховенства, т.е. внутреннего суверенитета» [1, с. 17]. Это и выступает одним из аргументов в пользу необходимости решения (в том числе и превентивного)

указанных проблем.

Одним из инструментов противодействия угрозам государственному интересу выступает реализация государством юридической составляющей государственного суверенитета. Данный процесс осуществляется посредством достижения наивысшего уровня правового суверенитета в результате реализации целей процесса суверенизации права.

Традиционно под суверенитетом понимается свойство государства осуществлять государственную власть самостоятельно. Это предполагает, с одной стороны, независимость как от внешних акторов – субъектов международных отношений, так и от внутренних – политических институтов, принимающих на себя функционал государства вопреки государственной воле. Речь в данном контексте идет, например, о формальных и неформальных политических движениях, объединениях и организациях. С другой стороны, суверенитет государства предполагает верховенство в отношении осуществления внутренних функций государства и реализацию государственной властной прерогативы. Это означает, что только государство или институт, наделенный государством властными функциями, могут устанавливать правила поведения, обязательные для подвластных им субъектов.

Структурные характеристики государственного суверенитета, как внешние, так и внутренние, обеспечиваются комплексом юридических средств. Среди них законодательство занимает одно из наиболее важных мест наряду с эффективной правоприменительной практикой. Суверенизация права в этом контексте представляет собой движение правовой системы в сторону сокращения зависимости от воздействия внешних и внутренних акторов, создаваемых ими институтов давления на правотворческую и правоприменительную волю государства.

Необходимо отметить, что процесс суверенизации права существенно актуализировался в современных условиях формирования многополярного мироустройства. И актуализировался, не только отвечая на вызовы правовой интервенции отказом от

какого-либо обязывающего значения надгосударственных регулятивных систем, но и формируя систему активного противодействия внешним правовым угрозам. Причем это противодействие осуществляется как в форме установления собственного независимого правового регулирования новых политических и экономических отношений, так и в форме ситуативного противодействия внутренним и внешним угрозам.

Основным маркером, юридически иницирующим активацию потенциальных и реальных возможностей государства по реализации собственного (государственного, общественного, национального и т.п.) интереса, как нам представляется, выступает степень государственной прерогативы при осуществлении внутренних и внешних функций государства. Чем выше самостоятельность и независимость в принятии государственно-властных решений регулятивного характера, тем выше уровень государственного (и, следовательно, правового) суверенитета.

Суверенизация права как процесс представляет собой две едионаправленные, но имеющие обособленное содержание и условия реализации процедурные подсистемы обеспечения приоритета государственного интереса. Первая подсистема обеспечивает верховенство государственного интереса над интересом внешнего актора (чаще всего это – иностранное государство или международная организация). Вторая подсистема обеспечивает приоритет государственного интереса над интересом частных (негосударственных) субъектов, аффилированных с этим государством. Достижение наивысшего уровня приоритета государственного интереса фактически и будет означать достижение целей суверенизации права.

Рассматривая первую подсистему процесса суверенизации права, обратим внимание на юридическое и организационное обеспечение приоритета норм национального законодательства над различного рода нормами наднациональных регуляторов. Так, одним из примеров выражения общего правового регулирования процесса суверенизации права может служить вне-

сение в 2020 г. изменений и дополнений в Конституцию Российской Федерации (РФ), окончательно сформировавших концепцию приоритета национального права над международным. Примером нормативного противодействия внешним угрозам могут служить Указы Президента РФ, изданные с 24 февраля 2022 г., формирующие контрсанкционный правовой режим договорных отношений с контрагентами, являющимися резидентами недружественных стран. Эти Указы выступают следствием введенных в отношении России так называемых экономических санкций.

Суверенизация права, итогом которой служит суверенность права или юридический суверенитет, способна обеспечить полную юридическую ничтожность норм, обладающих формальной легальностью для ряда субъектов права. Например, акторы международных отношений осуществляют юридическую интервенцию на правовую систему РФ посредством принятия не обязывающих формально, но допускающих легитимизацию (для отдельных иностранных государств или международных организаций) антироссийских экономических механизмов. Например, принятая 7 ноября 2022 г. Генеральной Ассамблеей ООН резолюция «Содействие осуществлению правовой защиты и обеспечению возмещения ущерба в связи с агрессией против Украины» A/ES-11/L.6 не является юридически обязывающим (легальным) документом, но порождает эффект легитимации для последующих решений в сфере национального права недружественных государств, ограничивающих права и законные интересы РФ.

Можно привести в качестве примера и акты международных организаций, членом которых Россия не является (в частности, НАТО, Совета Европы, Европейского союза). Акты этих организаций не способны породить формально-юридические последствия для РФ, но выступают легальным основанием для государств-членов таких организаций ввести очередные антироссийские меры.

Еще одним примером правовой интервенции, купирующей суверенизацию права, выступает экстерриториальность

иностранного права, декларируемая и формализуемая, но не носящая общеобязательного характера. Например, 13 марта 2022 г. власти США опубликовали список товаров, которые будут запрещены к ввозу в Россию из США, что деформировало систему сложившихся договорных отношений и повлекло прекращение множества уже заключенных коммерческих контрактов.

Как известно, содержательное воздействие наднациональных норм и правил на национальное законодательство осуществляется в различных формах. Основным инструментом воздействия наднационального правового регулирования на национальное законодательство выступает имплементация, то есть внедрение иностранного права в национальную правовую систему путем целенаправленного включения такого рода норм в национальное законодательство. Особенность имплементации заключается в наличии процедуры ратификации – одобрения наднациональных норм и формального придания им юридической силы в соответствии с правилами национального законодательства. Так, согласно Конституции РФ, ратификация международных договоров с участием России осуществляется в форме Федерального закона. Это, помимо прочего, подразумевает наличие стандартных атрибутов законопроекта – пояснительной записки, обсуждения, экспертных заключений, голосования. При этом возможность отрицательного результата голосования не исключается, что повлечет невключение соответствующих наднациональных норм в правовую систему государства.

Еще одним инструментом выступает диффузия, то есть простое, автоматическое включение норм международного права в национальное право без вынесения особого имплементирующего акта. Диффузия характерна при использовании в качестве регулятора общественных отношений внутренних актов органов международных организаций, на которое (использование в качестве наднационального правила, обладающего приоритетом над национальным законодательством) участники соответствующей международной организации дали

согласие при ратификации основополагающего договора о членстве. Например, действие актов Еврокомиссии на территории государств Европейского союза (ЕС) не предполагает ратификационных процедур в отношении каждого из них. Их легальность предопределена участием государства в данной международной организации. Государство – участник ЕС, ратифицировав основополагающий акт о членстве, автоматически приняло на себя обязательства подчиняться актам органов такой организации. В этом смысле логичным становится вывод национального регулирования из сферы правовой определенности, поскольку ставит общественные отношения, существующие в государстве в зависимости от решений, принимаемых вне территории государства, хотя бы и с предварительного превентивного согласия этого государства на такое применение. Обострить ситуацию может возможность принятия решения органом международной организации без участия государства, которое вынуждено будет использовать данные правила вопреки собственной воле, а также своим политическим и экономическим интересам. Отметим, что диффузия наднационального и национального законодательства вносит определенный диссонанс в теоретическую модель системы источников права современных государств, хотя с практической точки зрения не является чем-то исключительным.

Помимо диффузии и имплементации, инструментами вненационального воздействия на национальное законодательство выступают унификация и гармонизация законодательства. Данный инструментарий предполагает творческие действия, направленные на совершенствование внутреннего законодательства путем заимствования эффективных практик правового регулирования тех или иных общественных отношений. При этом такие практики могут быть использованы как для повышения качества собственного законодательства, так и для удовлетворения практических потребностей в упрощении, например, межгосударственных экономических отношений.

Следует обратить внимание на то, что

все указанные инструменты, за исключением диффузии, формируют для национального законодателя юридические возможности легализовывать (принимать в качестве обязательных) наднациональные правила или нормы иностранного права с предварительной оценкой их соответствия нормам национального законодательства и государственным интересам. Диффузия же допускает включение наднациональных правил в правовую систему государства без предварительной оценки его соответствия нормам национального права и государственным интересам.

Вторая подсистема суверенизации права обеспечивает приоритет государственного интереса над интересом частных (негосударственных) субъектов, аффилированных с этим государством. Достижение наивысшего уровня приоритета государственного интереса фактически и будет означать достижение целей суверенизации права. Рассматривая данную подсистему процесса суверенизации права, нельзя не учитывать юридическое и организационное обеспечение приоритета публичных интересов над интересами частными. При этом вряд ли уместно говорить о безосновательности доминирования государства в случае выявления конфликта государственных и частных интересов. Скорее, это обусловлено «конституционно-правовыми особенностями взаимоотношений личности и общества, диалектикой индивидуального и коллективного, которое отражает неравноправие участников правоограничивающих отношений в одних случаях и конкуренцию правовых возможностей – в других. Очевидно, что именно благодаря ограничениям может достигаться главная цель существования цивилизованного общества – социальное совместное проживание и взаимодействие людей для достижения наиболее высокого уровня индивидуального развития каждого» [2, с. 118].

Прежде всего личность реализует свой интерес как действиями по учреждению органов государственной власти путем участия в выборах, что указывает на первичность мнения личности (совокупности людей, группы личностей, гражданского общества) в управлении государством, так

и путем правореализационных действий. Это фактически устанавливает приоритет прав личности над интересами государства. В России, в частности, это формализуется провозглашением в ст. 2 Конституции РФ прав и свобод человека высшей ценностью, что указывает на подчиненность прав государства правам личности. Кроме того, непосредственно на референдуме или опосредованно, через своих представителей в органах государственной власти, личность определяет от имени государства возможность и допустимость ограничения своих субъективных прав, устанавливая институциональные и инструментальные параметры введения и реализации таких ограничений.

Следовательно, нет противоречий, если государство определяет пределы своих интересов во всех сферах общественной жизни, объективно поддающихся правовому регулированию. Самостоятельное определение интереса заключается в установлении нормативными правовыми, правоприменительными, интерпретационными актами режима реализации публичных (властных) интересов и установлении рамок реализации личностью своих прав.

Ключевым элементом данной конструкции служит возможность государства (фактически – граждан, выступающих от его имени) устанавливать пределы правил поведения личности по своему усмотрению, в зависимости от конкретных условий субъекта, места, времени. В эту систему вписывается и предположение о возможности применения обратной силы закона в случаях, установленных государством.

Все это вытекает из признания суверенитета государства, заключающегося в самостоятельности принятия решений и независимости от внутренних и внешних факторов. Интересы государства основаны на его суверенитете и во многих случаях правомерно преобладают над интересом личности, исходя из объективной потребности в обеспечении государством не только собственных интересов, но и безопасности личности. Наиболее ярко это проявляется в сфере предпринимательских отношений, в которой индивидуальные,

частные интересы испытывают на себе воздействие государственно-властных механизмов, обеспечивающих в первую очередь интересов государства, а лишь затем – интересов общества и личности. При этом можно говорить о различных сторонах общественной жизни, каждая из которых вне правовых ограничений может сформировать обособленные системы ценностей – для личности и для государства. Если говорить об интересе общества в целом, то объективные параметры его обособления, расслоения и стратификации демонстрируют его очевидную неоднородность и разнонаправленность, в том числе и наличие неправомерных экономических и политических интересов некоторой части общества. Например, значительный экономический эффект от оборота наркотических средств или оружия пресекается государством, в частности, уголовно-правовыми запретами, обусловленными социально недопустимыми последствиями от оборота таких предметов. Правомерные же экономические ожидания, например, от стандартных экспортно-импортных операций могут быть пресечены реализацией политических или экономических интересов государства, направленных на стремление установить неблагоприятные последствия для экономики недружественных государств или благоприятные условия для внутреннего предпринимательства.

Следует иметь в виду, что государство в любой момент имеет возможность пересмотреть рамки предоставленных личности прав. Такой пересмотр может быть осуществлен в следующих формах.

Во-первых, в форме правотворческой деятельности можно закрепить усложнение процедуры реализации гражданами своих прав и свобод: например, установление обязательного претензионного порядка рассмотрения требований, заявляемых хозяйствующими субъектами. Это ограничение препятствует реализации права гражданина на обращение в суд.

Во-вторых, в форме правоприменительной деятельности. Примером может служить отказ от признания правомерности конкретного интереса личности на основании угрозы безопасности государства

при принудительном исполнении решения иностранных судов (оговорка о публичном порядке) и, как следствие, неисполнение такого решения.

В-третьих, в форме интерпретационной деятельности. Это официальное толкование правовой нормы в контексте формирования правоприменительной практики с учетом государственного интереса.

Как нам представляется, в рамках использования данных форм пересмотра рамок предоставленных личности прав происходит не столько разрешение, сколько преодоление конфликта публичного и частного интереса. Такое преодоление в современных геополитических, экономических и технологических условиях должно базироваться на ряде принципов.

1. Принцип допустимости ограничения частных интересов путем формирования обществом органов государственной власти, которые наделяются гражданами возможностью ограничивать права этих граждан.

2. Принцип условности приоритета интересов личности, предполагающий, что интересы личности должны иметь преимущество над интересами государства с согласия последнего (желательно предварительно закрепив это в императивных нормах).

3. Принцип полной свободы государства устанавливать пределы реализации прав и свобод как государства, так и личности. С учетом особенностей текущего времени такого рода право позволяет формировать императивную систему правового регулирования, включая деконструкцию и/или позитивную деформацию любых частноправовых институтов.

Таким образом, на основании изложенного представляется возможным сделать ряд выводов:

1. Одним из инструментов противодействия угрозам государственному интересу выступает реализация государством юридической составляющей государственного суверенитета. Данный процесс осуществляется посредством достижения наивысшего уровня правового суверенитета в результате реализации целей процесса су-

веренизации права.

2. Суверенизация права – движение правовой системы в сторону сокращения зависимости от воздействия внешних и внутренних акторов, создаваемых ими институтов давления на правотворческую и правоприменительную волю государства.

3. Суверенизация права как процесс представляет собой две едионаправленные, но имеющие обособленное содержание и условия реализации, процедурные подсистемы обеспечения приоритета государственного интереса. Первая подсистема обеспечивает верховенство государственного интереса над интересом внешнего актора (чаще всего это – иностранное государство или международная организация). Вторая подсистема обеспечивает приоритет государственного интереса над интересом частных (негосударственных) субъектов, аффилированных с государством. Достижение наивысшего уровня приоритета государственного интереса фактически и будет означать достижение целей суверенизации права.

4. Основной эффект состояния суверенности права состоит в способности легального и легитимного противодействия органами государственной власти суверенного государства юридической интервенции, осуществляемой с использованием юридических и псевдоюридических средств акторами межгосударственных отношений и иностранными государствами, а также в возможности государства самостоятельно определять и устанавливать легальные пределы реализации прав и свобод как государства, так и личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кудрявцев Ю.А.* Эффективность экономики как основной инструмент механизма восстановления государственного суверенитета // *Theory and Practice of the Restoration of Rights*. 2013. № 1 (1). С. 10–18.

2. *Кузьмин А.В.* Попытка интегративного подхода к определению понятия «правовые ограничения» // *Проблемы экономики и управления в торговле и промышленности*. 2014. № 1 (5). С. 118–124.